Марина

СЕРОВА

Загадка в ее глазах

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Загадка в ее глазах

«Эксмо»
2014

Серова М. С.

Загадка в ее глазах / М. С. Серова — «Эксмо», 2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-69364-1

Женя Охотникова не любит работать в команде – и, похоже, правильно делает. Служба безопасности вдовы генерала Качалина, недавно убитого в Москве, ни на что не годится в профессиональном плане, это Женя видит сразу же, как только в город прибывает высокая гостья. Пожалуй, лишь у личной телохранительницы Качалиной, Галки, есть необходимые навыки… Женя принимается за обучение ребят из СБ, и тут на Качалину начинаются покушения. И каждый раз неизвестному киллеру удается ускользнуть от службы безопасности и от самой Жени. Вскоре Охотникова приходит к однозначному выводу: смерть подстерегает ее клиентку не на улице, она притаилась в доме Качалиной…

ISBN 978-5-699-69364-1

© Серова М. С., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 23
Глава 4 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Марина Серова
Загадка в ее глазах

Глава 1

Я всегда работаю одна. Такое у меня правило. В моей профессии – а я телохранитель – правил, вообще-то, немного. Не кидай клиента. Не подставляйся под пули понапрасну. Всегда требуй предоплату… Но уж те правила, что есть, я стараюсь соблюдать.

Сидевший напротив меня за низким столиком толстячок с холодными серыми глазами как раз пытался заставить меня нарушить одно из правил. Причем одно из самых важных. Проблема заключалась в том, что толстячок был мэром города под названием Тарасов, где я живу и работаю вот уже несколько лет, после завершения моей карьеры в других, весьма специфических сферах. И жизнь в провинциальном Тарасове мне нравилась. Она – то есть моя жизнь, – текла, как сейчас говорят, «весело и интересно». Помимо работы, в ней присутствовали забота о пожилой тетушке Миле – единственной моей родственнице, тренажерный зал, позволяющий мне держаться в хорошей форме, легкие, ни к чему не обязывающие романы с симпатичными мне мужчинами, путешествия (я предпочитаю Юго-Восточную Азию, Европа уже не та), а также мое обожаемое хобби – мировое кино. Ах, какая коллекция видеокассет пылится у меня в шкафу – рука не поднимается их выбросить! Круг клиентов у меня небольшой, с каждым годом он медленно, но верно расширяется. За сверхдоходами я не гонюсь, но на жизнь вполне хватает. Так вот, жизнь в провинции меня вполне устраивала, а человек, сидевший напротив меня, был мэром города. Поэтому мне следовало бы немедленно прекратить игру в гляделки и согласиться на все, что бы мне ни предложили. Но… работа в тандеме! Нет, только не это!

– Не понимаю, чем вы недовольны, госпожа Охотникова! – злобно уставившись на меня, заявил мэр. – Даже президент с премьером не возражают! А вы капризничаете…

Ох, что-то мне не нравится, как выглядит мой собеседник. Господин Толмачев тяжело дышал, будто пробежал стометровку, шея его побагровела, на лбу вздулись вены. Только апоплексического удара, как в старину говорили, нам тут не хватало! Похоже, противостояние со мной дается мэру непросто. Так, давайте-ка снизим градусы накала страстей…

– Виталий Михайлович, уважаемый! Пожалуйста, не будем ссориться! – примиряющим тоном произнесла я. Похлопать его по руке успокаивающим жестом? Телесный контакт мгновенно убирает дистанцию между собеседниками, так нас учили в спецшколе. Нет, пожалуй, это уже будет перебор. Все-таки мэр! – Давайте успокоимся и закончим, наконец, разговор.

Толстячок резко выдохнул и потер ладонью висок. Похоже, у него начинает болеть голова. А кто сказал, что с Евгенией Охотниковой легко?

– Как я могу успокоиться, – жалобно проговорил мэр, – если сегодня, буквально час назад, я получил такое известие?

– Пренеприятнейшее? – ехидно переспросила я, но мэр намека на «к нам едет ревизор» не понял, а послушно кивнул:

– Да, очень неприятное. К нам едет…

Мэр пошлепал губами – так бывает, когда человек произносит про себя то, что никогда не сказал бы вслух, и закончил:

– …Ольга Христофоровна Качалина.

Мэр подозрительно уставился на меня. Ну конечно, эту даму я помнила! Столичный политик невысокого ранга, Ольга Христофоровна в последний раз была в Тарасове два года тому назад. Она приехала сюда по каким-то личным делам, вдвоем с мужем, – отставным воен-

ным, увешанным орденами, словно елка игрушками. Впрочем, кажется, Виктор Качалин был боевым генералом, так что моя ирония неуместна. Правда, я никогда не встречала кадрового военного, пусть даже и в отставке, который постоянно носил бы мундир со знаками отличия и наградами, да вдобавок содержал бы личную службу безопасности. Ну, с другой стороны, на свете много такого, чего я не знаю, да и знать не хочу. Я тогда охраняла довольно-таки необычного клиента… Проблема в том, что его интересы где-то пересеклись с интересами генерала, он попал в поле зрения службы безопасности Качалиных. Такие «техничные» мальчики в костюмах и темных очках, на вид – сущие агенты ФБР! Мне пришлось защищать клиента, а эти типы – безопасники – взялись за оружие. Тарасов – не Чикаго времен «сухого закона», стрельба у нас случается не так чтобы каждый день… В общем, та история наделала много шума – и в прямом, и в переносном смысле слова. Мой клиент, очень довольный, отбыл на ПМЖ в город Лондон, супруги Качалины вернулись в столицу нашей родины, а у мэра города Тарасова прибавилось седых волос… В общем, мы с мэром относились к столичному политику Ольге Христофоровне примерно с одинаковой «симпатией».

Я положила ногу на ногу, переплела пальцы на колене и слегка склонила голову к левому плечу. Вся моя поза говорила о том, что я предельно внимательна и готова выслушать собеседника. Нет, голубчик, я не стану делать за тебя твою работу! Если ты, Виталий Михайлович Толмачев, хочешь попросить меня о какой-то услуге, то давай, проси. Хотя я уже примерно представляю себе, о чем пойдет речь. Сценарий называется: «столичная заноза в заднице». Похоже, мне предстоит обычная работа, только с крайне неприятным клиентом. Все это мы уже проходили, и не единожды. Но ты, Виталий Михайлович, выдернул меня из дома в первом часу ночи, и шедевр иранского режиссера Мохсена Мохмальбафа так и остался недосмотренным. Вдобавок, шофер присланной тобой машины громко посигналил под нашими окнами и разбудил тетушку Милу, и теперь ее будет мучить бессонница. Так что давай, начинай!

Проблема в том, что у Толмачева нет рычагов воздействия на Женю Охотникову. В Тарасове я живу давно, и влиятельных знакомых в городе у меня предостаточно. Я никому ничего не должна, законы соблюдаю. Лицензия на владение оружием – в порядке. Ни в чем противоправном не замешана. Пятен на репутации не имею. Прямо хоть на плакат меня помещай! Лучший бодигард месяца…

Этот затянувший полночный разговор начал мне надоедать. Ну, Виталий Михайлович, не томи! Заставить меня ты не можешь, запугать – тем более не получится. Остается подкуп – в хорошем смысле слова! Ты же мэр – значит, у тебя есть что предложить мне.

Но человек, сидевший напротив меня, был не так прост. Ползать передо мной на пузе ему не хотелось. Конечно, в отличие от меня, спецшкол Толмачев не заканчивал, но манипулировать собеседником, само собой, умел – иначе он не был бы мэром. Так что Толмачев резко встал, отошел к окну и пару минут постоял возле него, глядя на ночной Тарасов с цепочками золотых фонарей. Ну-ну! Такой прием называется – «сломать сценарий». Вот я уже подвела собеседника к неизбежному моменту, «узлу», в разговоре, а он – раз, и вывернулся. Что это он придумал?

Толмачев нажал на кнопку селектора:

– Сан Саныч, кофейку нам сделай, будь добр!

В ожидании кофе мэр побарабанил пальцами по подоконнику, потом взял пульт. Синим светом вспыхнул экран телевизора.

«…Выпуск ночных новостей. Сегодня Президент вернулся с экономического форума в Давосе. Он назвал перспективы развития нашей страны «многообещающими». Турция согласилась войти в Таможенный союз. Депутат Государственной Думы Асриев выступил с инициативой запретить импорт картофеля на территорию Российской Федерации. В Москве открыта новая станция метрополитена. Продолжается расследование убийства генерала Качалина,

застреленного три недели назад в торговом комплексе «Патриот-Плаза». Мировые валютные биржи…»

Мэр с отвращением скривился и выключил телевизор.

– И вот так – все время! Утренние новости, дневной выпуск, потом вечерний. А теперь еще и по ночам! Федеральные каналы, и даже наши, местные… три недели в каждом выпуске! Витьку, конечно, жалко… Но зачем же так-то? Пусть себе следственные органы работают, дело свое делают. Но зачем на всю страну трубить? Боевого генерала застрелили на глазах у тысяч прохожих, а они…

Мэр, кажется, хотел развить тему, но тут дверь открылась, и в кабинет въехал столик на колесиках. На нем стояли кофейник и две фарфоровые чашечки, изящные, словно голубки, – Виталий Михайлович питал слабость к хорошей посуде. Была там еще тарелочка с бутербродами, накрытая белоснежной салфеткой, и шоколадные конфеты – горкой, в хрустальной вазочке. Ну и ну! Так сервируют стол старые холостяки, когда к ним в дом в кои-то веки попадает женщина и они тщетно пытаются ее обольстить! Не хватало еще сладкой музыки и приглушенного света! Давненько я не бывала в такой атмосфере…

Все объяснялось очень просто – вместо секретарши мэра, миловидной Олечки с косой до попы, столик катил Сан Саныч, состоявший на должности помощника мэра последние лет пять, если не ошибаюсь. Сан Саныч выглядел так, что при виде его собеседник испытывал острый приступ жалости, смешанной с отвращением, и стремился поскорее закончить разговор, вдобавок ко всему, терзаясь чувством вины, потому что нас всех долго-долго учили быть толерантными. Сан Саныч беззастенчиво пользовался своей «особенностью», и мэр выпускал своего помощника, так сказать, на арену, когда нужно было избавиться от неприятного посетителя или ответить кому-либо решительным отказом в какой-нибудь просьбе.

Вот и сейчас, когда Сан Саныч поставил передо мною чашку кофе и сдернул с тарелки салфетку, я невольно откинулась на спинку кресла. Помощник мэра был высок, но согнут крючком, худобою напоминал анатомическое пособие, руки его с длинными пальцами постоянно двигались и словно бы жили своей жизнью, все время что-то трогая и разглаживая. В довершение картины могу отметить его вытянутую по-гусиному шею и невероятные уши – большие, хрящеватые и ярко-красные.

Между тем сам помощник, казалось, даже не подозревал, что он чем-то заметно отличается от окружающих. Он был вполне успешен, отнюдь не беден и, самое потрясающее, нравился девушкам!

На первый – невнимательный – взгляд могло показаться, что мэр безжалостно эксплуатирует своего помощника, поручая ему дела, не соответствующие его статусу. Вот, например, кофе велит подать… Но я знала, что Виталия Михайловича и его странноватого помощника связывают долгие деловые отношения, и оба вполне довольны тем, как складывается их сотрудничество. Так, господин Толмачев иногда поручал Сан Санычу выполнение весьма щекотливых дел и деликатных миссий. А тот за это имел право на автономию несколько большую, чем позволяло его положение. Я относилась к страшноватому помощнику мэра с некоторой опаской – несмотря на его трагикомическую внешность, Сан Саныч был человек серьезный. Я лично знаю о четырех случаях, когда кое-кто жестоко поплатился за то, что не принял Сан Саныча всерьез или перешел ему дорогу на почве деловых интересов. А его манера поведения – всего лишь маска. Но наблюдать за этим представлением иногда бывает забавно.

Сан Саныч поставил чашечку перед мэром и принялся переставлять предметы на столике – поменял местами сахарницу и вазочку с конфетами. Подумал – и переставил обратно.

– Спасибо, Александр Александрович! – с легким раздражением проговорил мэр, и помощник, совершив некое лакейское движение спиной – то ли это был поклон, то ли гимнастическое упражнение, – убрался из кабинета. Виталий Михайлович подождал, пока за ним закроется дверь, и только потом продолжил, прямо с того места, где его прервали:

– …а они цирк какой-то устраивают, а не расследование! – Мэр тяжело вздохнул и заговорил почти жалобно: – А теперь его супруга едет сюда, в Тарасов. Кстати, вы в курсе, что Качалины отсюда родом?

Я молча кивнула. Кто же этого не знает! До того, как Ольга Христофоровна переместилась в столицу, ее лицо было у нас в городе самым растиражированным медийным объектом – после «Кока-колы», разумеется. Качалина в телевизоре, Качалина на плакатах… Вот она открывает спортивный комплекс, а вот осматривает новенький, с иголочки, роддом.

– И эта женщина тащит сюда все свои проблемы! – Мэр, не сдержавшись, ударил кулаком по подоконнику – несильно, в самый раз, чтобы обозначить, насколько он взволнован. Ну, артист!

Я молча ждала окончания спектакля.

– А проблем у нее, между нами говоря, целая куча, – мрачно произнес Толмачев. – Ведь Качалин обе войны прошел, и не все им были довольны. Виктор, конечно, героем был, но, правду сказать, человек он резкий, прямой – одно слово, солдат…

Я тихо, но явственно вздохнула. Самый неделикатный собеседник должен был понять, что это означает. Какое мне дело до покойного генерала с его проблемами?!

Мэр все понял правильно и заторопился:

– Так что придется вам, уважаемая Евгения Максимовна, поработать, так сказать, в тандеме…

Так! Опять Толмачев произнес эту фразу, с которой началось наше сегодняшнее противостояние.

– Послушайте, Виталий Михайлович! – как можно более мирным тоном проговорила я. – Ведь уже второй час ночи. Неужели вам не хочется спать? Завтра будет такой тяжелый день!

Я намеренно говорила монотонно, убаюкивая собеседника. Простой прием, а как помогает! Я всегда использую его, если разговор мне неприятен и я желаю поскорее его завершить. Вот и теперь: мэр глубоко вздохнул, плечи его слегка поникли, напряжение истекшего дня постепенно отпускало его, и в конце фразы мэр уже деликатно зевнул – правда, с закрытым ртом, как воспитанный человек. А я торопилась закрепить успех:

– Приезжает столичная гостья, вам придется ее встречать, да и остальных дел никто не отменял. Найдите кого-нибудь другого. Я ведь уже объяснила вам, что всегда работаю одна.

И тут мэр меня удивил. Он стряхнул сонное оцепенение, резко встал и перегнулся через низкий столик, на котором еще дымились кофейные чашки. Кончиками пальцев Толмачев оперся о столешницу и угрожающе навис надо мной, мирно сидевшей в кресле, отчего вся эта сцена стала отдавать неким малобюджетным фильмом о проделках мафии.

– Вот что, госпожа Охотникова! Вам нравится жить в городе Тарасове?

Сейчас Толмачев уже не казался смешным толстячком. Он выглядел как серьезный человек, который четко знает, чего хочет, мало того – знает он и как этого добиться. Прямой вопрос – это плохо. Это значит, что сейчас мне начнут угрожать. Ну что же!

– Да, господин мэр. Мне нравится этот город и вполне устраивают жизнь и работа в нем.

Я скрестила руки на груди и прямо взглянула в лицо собеседнику. Пусть видит, что я его не боюсь, и обращается со мной уважительно. Если противник вынужден унизить тебя в разговоре или применить какие-либо приемы из разряда «ниже пояса», с таким человеком потом будет крайне сложно общаться – тебе будет сложно его простить, а он всегда будет помнить, как он тебя согнул, и всякий раз будет ждать от тебя какой-нибудь гадости, так что совместная работа ваша станет невозможной и вы в конце концов, незаметно для себя, сделаетесь врагами. А я не хотела делать своим личным врагом мэра города, где я живу и работаю. Что ж, невозможно всегда выигрывать – иногда приходится и отступить…

– Тогда, уважаемая госпожа Охотникова, вы перестанете трепать мои старые нервы и примете мое предложение. То есть если вам нравится жить и работать в Тарасове. И вы хотите это делать и дальше.

Шутки в сторону.

Я поднялась и оправила юбку. Теперь мы с Толмачевым стояли по обе стороны кофейного столика, только я возвышалась над собеседником на добрых полголовы. Сверху мне было отлично видно, как седой пух обрамляет загорелую лысину мэра. В солярий он ходит, что ли? Выдержав необходимую паузу, я произнесла:

– Да, господин мэр, мне нравится работать в Тарасове. Я принимаю ваше предложение.

И я села, чинно сложив руки на коленях. Толмачев подождал, не добавлю ли я еще чего-нибудь, не стану ли торговаться, выпрашивая подачки? Но я знала, как надо проигрывать красиво, и смотрела на мэра молча, с вежливым интересом. Виталий Михайлович одобрительно кивнул и заторопился:

– Ну, что же, я рад, рад… Час поздний, пора… Уверяю вас, госпожа Охотникова, вы не пожалеете! Все, что смогу…

Мы перекинулись парой общих фраз, уточнив завтрашний регламент, и я отправилась домой – в том же автомобиле, который доставил меня сюда всего час назад. Машина плавно входила в повороты, за окном пролетали фонари, а я думала о том, что нельзя все время выигрывать. Ни у игорного стола, ни на войне, ни в жизни. Иногда… Иногда нужно просто отвести войска на заранее подготовленные позиции. Перегруппировать их. А потом нанести удар туда, где противник этого не ждет! И все-таки – победить…

Глава 2

Раннее утро я встретила на вокзале. Экспресс из Москвы прибывал без четверти восемь, и заиндевелый перрон был полон встречающими. Люди дули на руки, подпрыгивали на месте и поминали недобрым словом архитектора, выстроившего тарасовский вокзал так, что перроны, кроме первого пути, оказались открыты всем ветрам. Кутаясь в теплую куртку, я злорадно наблюдала за Сан Санычем, который отчаянно стекленел на ветру. Господин Толмачев и его охрана – двое представительных мужчин, похожих на мэров больше, чем сам Виталий Михайлович, – ожидали высокую гостью в вип-зале. Сан Саныч – помощник, кто вчера подавал нам кофе, очевидно, был послан сюда с целью следить за прибытием поезда и сигнализировать об этом радостном событии мэру. Сегодня, при свете дня, он еще больше походил на мумию или сбежавший экспонат музея восковых фигур. В замерзших руках Сан Саныч сжимал букет белых лилий, очевидно, предназначенных для высокой гостьи.

Экспресс прибывал точно по расписанию, зато мэр приехал за десять минут до прибытия и теперь явно жалел об этом. Тарасов в декабре – это вам не Ницца, десяти минут вполне достаточно, чтобы схватить простуду или что похуже.

Выглядело все это странно – с чего бы мэру лично тащиться на вокзал? Но прошлую ночь я провела с пользой – посидела в Интернете (сном пришлось пожертвовать) и выяснила, что с семейством Качалиных мэра связывают давние личные отношения. А ведь вчера Толмачев и словом не обмолвился о том, что он учился в одном классе с ныне покойным генералом и был свидетелем на их свадьбе! Кроме того, лет пять тому назад на репутацию Толмачева легла легчайшая тень скандала – он провел какие-то денежки не по тому ведомству, оплатив командировку Ольги Христофоровны, кажется, в Лондон. Один ушлый местный журналист провел расследование, которое стоило ему карьеры. Хотя, это с какой стороны посмотреть – когда бедняжка понял, что в родном Тарасове ему больше не работать, он с горя подался в столицу и сделался международным корреспондентом. Обожаю смотреть его репортажи с кинофестивалей!

Кстати, я приехала на вокзал ранним утром не только по служебным делам. Недели две тому назад моя тетушка Мила получила бесплатную (как она думает) путевку от совета – как она полагает – ветеранов. Моя тетя – удивительный человек! Долгие годы она проработала в юридической академии, и многие люди, занимающие в Тарасове значительные посты, – тетины бывшие ученики. Только Мила способна назвать просто Костей всесильного и грозного прокурора, а министр здравоохранения области для нее – Любочка. Вероятно, в Тарасове нет ни единого человека, на которого у тети не было бы «выхода». Да и не только в Тарасове. Говорят, все люди на Земле знакомы друг с другом через пять человек. Как-то вечерком мы с тетушкой за чаем с плюшками провели небольшое расследование и выяснили, что это – чистая правда. Так, через Милу и ее бывших учеников я оказалась знакома с папой римским, султаном Брунея, президентом Соединенных Штатов и королевой Великобритании. Кроме того, в этот список входили живой на тот момент Усама Бен Ладен (через итальянскую журналистку, бравшую у него интервью, а она была замужем за международником – родом из Тарасова), первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, Коко Шанель, Кейт Мосс, один знаменитый шпион, чье имя которого я не хочу называть, а также, увы, покойные Марлен Дитрих и Любовь Орлова.

Но тетя – человек бескорыстный. Она обожает решать чужие проблемы и устраивать чужие дела (страшно представить, сколько пар ей удалось поженить!), но совершенно не способна позаботиться о себе самой. Возможно, совет ветеранов и правда распределяет путевки, но тете они почему-то никогда не достаются. Так что я решила позаботиться о Миле – в последнее время она неважно переносит влажные зимы, и возмечтала отправить тетушку на юг, к морю.

Мила – моя единственная родственница. Ну, честно говоря, во Владивостоке, откуда я родом, проживает мой отец, бывший кадровый военный. Но я не поддерживаю с ним отношений после того, как в день похорон моей матери он заявил, что намерен построить новую счастливую семью с нашей соседкой по лестничной клетке. Я закрыла за собой дверь родительского дома и больше там не бывала. Нет, я не стала устраивать скандалов с битьем посуды и разделом имущества. Я аккуратно поздравляю отца с днем рождения и с двадцать третьим февраля – его профессиональным праздником, но только в письменной форме.

Когда мне пришлось покинуть специальное подразделение «Сигма», где я служила, мысль – затеряться в провинции – показалась мне вполне здравой. В Тарасове проживала сестра моего отца – Людмила Охотникова. Я отправила ей письмо, не зная, как пожилая одинокая женщина отнесется к нежданной гостье, и получила в ответ телеграмму: «Начинаю печь пироги. Срочно выезжай!» С тех пор я живу и работаю в Тарасове. Сначала я преподавала иностранные языки – как-никак, за плечами у меня элитное учебное заведение, «ворошиловка», а именно – институт благородных девиц, созданный специально для дочерей высокопоставленных военных и дипломатов. Но параллельно с учебой в «ворошиловке» я прошла спецподготовку в отряде «Сигма», так что профессия телохранителя оказалась мне ближе. И хотя за первое дело я взялась, не рассчитывая на продолжение карьеры в этой области, жизнь сложилась так, что я, без ложной скромности, ныне – один из лучших телохранителей, так и хочется сказать, города и области. Хотя, вообще-то, силой я ни с кем не мерилась, так что, возможно, это просто профессиональная гордость и свойственная лично мне, Евгении Охотниковой, легкая заносчивость.

Тетушку я люблю и стараюсь по мере сил заботиться о ее здоровье, поэтому я обратилась в туристическое агентство и купила для Милы путевку в один из лучших санаториев юга. Путевка обошлась мне в небольшое состояние, но для тети мне ничего не жалко. Тем более что я могла себе это позволить. Вообще, несмотря на довольно высокие заработки, мои денежные дела, если представить их в виде графика, более всего напоминают кардиограмму. Вверх-вниз, вверх-вниз… Это потому, что я теперь уже не хватаюсь за любую работу, как было в самом начале моей карьеры, а стараюсь браться за что-то интересное, представляющее собою новую ступеньку профессионального роста… ну, в крайнем случае – не особенно противное. Вот охранять Ольгу Христофоровну Качалину я не взялась бы ни за что, если бы господин Толмачев не вынудил меня к этому самым беззастенчивым шантажом.

Совсем недавно я закончила одну сложную работу, оказавшуюся более трудной, нежели я ожидала. Я порядком вымоталась, зато неплохо заработала, и как раз собиралась устроить себе небольшие каникулы. Тем более что в Тарасов собирался приехать один человек, с которым меня связывали личные отношения. Мы познакомились год тому назад, за границей, когда я сопровождала мальчика-аутиста к его отцу. Беспокойный живой «груз» превратил эту поездку в незабываемое приключение. Вот так я и познакомилась с Йосефом, подполковником ВВС Израиля. Некоторое время мы провели вместе, обнаружили, что идеально подходим друг другу, а потом – в один прекрасный день – я уехала. Йосеф страшно обиделся, он никак не мог понять, почему я не желаю выходить за него замуж, перебираться в Израиль и родить ему восьмерых кудрявых мальчишек и одну девочку. Боюсь, я не смогла это ему внятно объяснить.

И вот теперь, спустя год, Ёся решил сделать второй заход. Гвардия не сдается… Я представила себе реакцию тетушки Милы – как она немедленно начнет делать все возможное, чтобы я приняла предложение красавца-военного, и ужаснулась. Нужно было срочно убрать тетушку с поля боя – а в том, что мне предстоит непростая позиционная война на личном фронте, я нисколько не сомневалась. Ёся – человек упорный, он привык добиваться своего. Но и Женя Охотникова – далеко не кукла Барби…

Так что тетушка получила путевку, как она думала, от совета ветеранов – такая конспирация была совершенно необходима. Тетушка обожает детективные романы, проглатывает их

по штуке за вечер и давно уже могла бы сама работать частным детективом. Если бы я принесла ей путевку лично, тетя в ту же секунду заинтересовалась бы: а чем же собирается заниматься дорогая племянница в ее отсутствие? И хотя я давным-давно уже совершеннолетняя, и тетя со свойственной ей деликатностью почти не сует нос в мои личные дела, но замужество… замужество – это ее конек! Тетя обожает устраивать чужое счастье. Современная статистика свидетельствует – из пяти пар, заключивших брак, четыре распадаются. Так что, на мой взгляд, тетя поставляет работу ЗАГСам.

Недавно Мила заявила, что не может спокойно умереть, пока не выдаст меня замуж за «хорошего человека». Поскольку я желаю тетушке долгих лет, останусь-ка я, пожалуй, в своем нынешнем незамужнем состоянии…

Так что рано утром я посадила Милу в поезд «Тарасов – Адлер» и помогла ей загрузить на багажную полку сумку с детективами. Ох, боюсь, этого тете хватит ненадолго! Счастье еще, что обратно она их не повезет – оставит в подарок библиотеке санатория.

– Береги себя! – высунувшись из окна вагона, давала мне последние наставления тетя.

– Хорошо, – послушно отвечала я.

– Не берись за опасную работу, а то я буду волноваться!

– Ладно, – я покорно кивала.

– И вообще, ни за какую работу не берись пока, устрой себе каникулы!

– Поняла, так и сделаю.

Мила задумалась…

– Ну, все. Пока-пока! Закрой окно, тебя продует! – Я помахала ей рукой.

– А, вот еще! Не вздумай питаться одними пельменями! Кушай по часам, вари себе суп и делай котлеты! И не переусердствуй с тренажерным залом – помни, что ты недавно восстановилась после травмы! И всегда носи бронежилет, Женечка!..

На мое счастье, поезд в этот момент тронулся.

– Я тебе позвоню! – помахала я рукой.

– И не смотри кино до четырех утра!!! – донесся до меня голос тетушки, уносимой поездом. Я перевела дыхание. Так, пора приступить к работе!

Вдали показался московский экспресс. Несчастному Сан Санычу пришлось еще добрых четверть часа ждать, пока рассосется толпа прибывших и встречающих. Ну и нечего было проявлять такое рвение – ждал бы в теплом брюхе лимузина… Из вип-зала вышел мэр и остановился на перроне. Странно это: почему он потащился на вокзал? Так ли уж необходимо лично встречать дорогую гостью? Вполне мог бы подождать ее в резиденции… Мэр отчаянно мерз в своем кашемировом пальто, а рядом мужественно замерзала его охрана.

Вот я подготовилась к сегодняшнему мероприятию не в пример лучше их – зная, что придется ожидать на улице, оделась по сезону, а еще и успела позавтракать. Обычно я ограничиваюсь чашкой адски крепкого кофе и бутербродом, но сегодня подкрепилась как положено – когда в организме достаточно калорий, мороз ему не страшен.

Наконец, перрон опустел, и только тогда из дверей первого вагона «выпустили» сначала мальчиков из службы безопасности, а потом уже и саму высокую гостью. Госпожа Качалина ничем не напоминала вдову, три недели тому назад потерявшую мужа. Единственным намеком на траур могла служить ее черная шляпка-таблетка. Одетая а-ля Жаклин Кеннеди, с идеально уложенными волосами и фирменным взглядом «эх-вы-жалкие-людишки», Ольга Христофоровна сразу же вызвала у меня приступ раздражения. Скажу честно, на свете есть немного людей, способных вывести меня из равновесия. К сожалению, женщина, которую мне предстояло охранять, явно была одной из них.

Качалина осторожно ступила на перрон, словно он был стеклянным, и мальчик в черном костюме сделал такое движение, будто хотел поддержать свою работодательницу под локоть. Однако прикоснуться не посмел, да Качалина и не нуждалась в помощи – цокая каблучками

по бетону, она приблизилась к группе встречающих. Толмачев протянул руки, а его угодливо изогнувшийся помощник поспешно всунул в них остекленевший на морозе букет. На мгновение лицо Ольги Христофоровны исказила гримаса отвращения – уж не знаю, относилось ли оно к лилиям или к мэру – и тут же сменилась приличествующей случаю сдержанной печалью.

Пока пара старых знакомых обменивалась приветствиями, я внимательно изучала свиту политика. Сама Качалина меня пока что интересовала мало – я и так знала, чего от нее ожидать. Гораздо больше меня заинтересовала женщина из ее окружения. Небольшого роста, похожая на мальчика-подростка, с темным от загара лицом и очень светлыми волосами, стянутыми в «хвост», в камуфляжном комбинезоне и берцах тридцать пятого размера, она окидывала пустой перрон профессионально незаинтересованным взглядом. Именно с этой женщиной мне предстояло работать в тандеме. Это была личный телохранитель госпожи Качалиной, и эта женщина представляла для меня загадку.

Во-первых, я не нашла никаких сведений о ней – телохранителе – в Интернете. Вот я, Евгения Охотникова, там присутствую, хотя я персона далеко не публичная. Во-вторых, я не могла понять, что заставляет профессионала (а это было видно сразу, с первого взгляда) работать на даму-политика, славящуюся своей феноменальной скупостью и отвратительным отношением к «персоналу», как Ольга Христофоровна называла всех, кто имел несчастье на нее работать. К сожалению, теперь в число этого «персонала» входила и я. Со всем этим мне еще предстояло разобраться, а пока пора было начинать знакомиться – мэр уже двигал бровями, призывая меня подойти поближе.

Я подошла и остановилась в трех шагах, отметив краем глаза, как мгновенно напряглась охрана. Ага, вы тоже меня узнали! Тем временем Толмачев ласково, но настойчиво внушал столичной штучке:

– Ольга Христофоровна, голубушка! Ну как вы не понимаете, мне так важно обеспечить вам комфортное и безопасное… подчеркиваю, безопасное пребывание на родной земле!

– Что вы еще придумали? – недовольно отвечала Качалина. – Не понимаю, зачем все это нужно. У меня есть Галочка, и этого вполне достаточно. Она профессионал, понятно?

Мэр всплеснул руками:

– Ну конечно, конечно! Ваша Галочка – профессионал… А наша Евгения – суперпрофессионал! И когда они обе будут рядом с вами, я буду за вас абсолютно спокоен!

Качалина бросила на меня острый оценивающий взгляд. Судя по тому, что я о ней знаю, Ольга Христофоровна – холодная, прагматичная дама, которая превыше всего ценит свою выгоду. Когда, наконец, ей надоест строить из себя примадонну? Ведь уже понятно, что Толмачев не отвяжется! В Тарасове Ольга Христофоровна – не то чтобы уж совсем никто, но тем не менее просто гость, частное лицо, так что ей поневоле придется играть по правилам нашего мэра.

Качалина, кажется, думала так же – она коротко и резко кивнула и зашагала к урчавшим в отдалении машинам. Шаг у нее был широкий, безопасники привычно пристроились за ней следом, а мэр с помощником едва поспевали за ними.

Отрывистый кивок Ольги Христофоровны означал, что я принята на службу. Поэтому я вежливо отстранила Сан Саныча и заняла место рядом с водителем в машине сопровождения. Телохранитель по имени Галочка разместилась в первой машине, рядом с хозяйкой.

Толмачев решил поселить драгоценную гостью в старинной, еще с дореволюционных времен знаменитой гостинице «Евразия». Это было разумно: исторический центр Тарасова – самое спокойное место, какое только можно найти. Фонари тут горят от заката до рассвета, полицейские исправно несут трудовую вахту, камеры все пишут, под окнами движется дружелюбно настроенная толпа, нагруженная покупками из торговых центров, расположенных в пешеходной зоне. А если нужно скрытно покинуть отель – пожалуйста, в гостинице предусмот-

рен подземный гараж и выезд на неприметную боковую улочку. С точки зрения безопасности «Евразия» – идеальное место, я сама советую своим приезжим клиентам селиться именно там.

Столичной гостье отвели «люкс» на последнем, четвертом этаже. Собственно, четвертый этаж занимали всего два громадных номера. В один вселилась ее свита, а второй получила сама госпожа Качалина. Пока мальчики в черных костюмах проворно осматривали номера, Толмачев с гостьей наслаждались видом из окна. Вид и вправду был неплох – внизу располагалась самая цивилизованная часть нашего города, облагороженная в последние годы, стоит признать, стараниями самого Виталия Михайловича. И пусть Тарасов кое в чем уступает столице (например, с крыши гостиницы, портя весь вид, свисали не убранные вовремя сосульки), но центр города смотрелся вполне пристойно.

А мэр между тем прощался с высокой гостьей:

– Ольга Христофоровна, вы не представляете, как я рад вашему приезду! – вполне искренне распинался мэр. Конечно, теперь он мог себе позволить искреннюю радость – ведь все проблемы и хлопоты, связанные с приездом столичной гостьи, отныне упали на мои хрупкие плечи! Такой трюк называется «подержите поросенка» – сначала тебя просят о мелкой, незначительной услуге, а потом глядь – и ты уже отвечаешь за жизнь и безопасность известного политика, у которого имеется куча недоброжелателей и, судя по нервному напряжению охраны, есть и самые настоящие враги…

Качалина, кажется, немного оттаяла. То ли она не была такой уж железной леди, какою хотела казаться, то ли искренние чувства мэра растопили лед взаимной неприязни, но Ольга Христофоровна вполне по-человечески улыбнулась Толмачеву и своим фирменным хрипловатым голосом произнесла:

– Да и я рада, Виталик. Ты совсем не изменился! Да и город наш, признаться, тоже. Тут ведь даже время течет по-другому – замедляется, что ли… После Москвы это очень заметно. – Качалина вздохнула, глядя на заснеженный пейзаж внизу: – Вот не думала, что по такому поводу придется приехать в родной город… Мы ведь вместе с Витькой в мае собирались…

Мэр согласно вздохнул. Кажется, он хотел сочувственно похлопать Качалину по руке, но не рискнул. А столичная гостья вдруг выкинула фортель – распахнула пластиковое окно и, протянув руку, отломила кончик сосульки!

– Нигде нет таких вкусных сосулек, как на родине! – задумчиво проговорила госпожа Качалина. Сосулька таяла на ее ладони, и замшевая перчатка уже потемнела. Я смотрела на гостью во все глаза. Неужели все, что говорят о даме-политике, – неправда? Неужели госпожа Качалина – нормальный человек, а ее имидж стервозной бабы разработан хладнокровными столичными имиджмейкерами?

Толмачев тоже с удивлением смотрел на Ольгу Христофоровну, он даже рот слегка приоткрыл.

– Ты, Виталий Михайлович, должен мне помочь. Журналистов своих на короткую цепь посади, чтобы мне дали спокойно заниматься делами и на них не пришлось бы отвлекаться. А то я этого добра – в смысле, внимания прессы – еще в столице накушалась, – вдруг жестко произнесла гостья.

Качалина моргнула, миг – и вот перед нами совершенно другой человек. Словно в глубине ее голубых глаз с лязгом закрылись железные заслонки… Я помотала головой, прогоняя наваждение. Так, пора работать!

Мне не хотелось с первых же минут вступать в конфликт с мальчиками из СБ и загадочной Галочкой, поэтому я подождала, пока они закончат осмотр помещения, а потом тихонько отправилась делать то же самое – по второму разу. Не то чтобы я считала, что Качалиной угрожает какая-то опасность, – напротив, я была уверена, что в гостинице все в полном порядке. Просто мне хотелось держать ситуацию под контролем, а для этого следовало просканировать все возможные источники каких-либо проблем. Например, ребята из СБ не подозревают о

потайной дверце, скрытой за деревянной панелью, а я о ней знаю. Дверце этой столько же лет, сколько самой «Евразии». Есть легенда, что губернатор Пушкаридзе удалялся в номера с кипой бумаг, чтобы в тишине и покое поработать над важными государственными документами, а потом в номер тихонько проскальзывала певица Лулу.

Не знаю, как насчет Лулу, но года четыре тому назад я своими руками скрутила за этой панелькой киллера по кличке Паша Бегемот, вооруженного волыной с глушителем. Так что, как говорится, доверяй, но проверяй…

За этим занятием и застал меня один из безопасников. Я уже начинала их различать, и этот – с узким лицом и синими глазами – кажется, был у них старшим.

– Охотникова? – без всяких церемоний спросил он в свойственной бывшим милиционерам манере. Я молча кивнула. – Ты чего тут делаешь?

Конечно, можно было прочесть мальчику краткую лекцию о вежливости, но сейчас это было совершенно не важно. Мы с этим синеглазым невоспитанным парнем делали одно и то же дело, и следовало сразу отсечь все, что могло бы помешать работе. Пусть его мамаша воспитывает, в конце концов.

Я молча указала ему на дверцу.

– Твою дивизию! – едва слышно пробормотал синеглазый и свистнул сквозь зубы. Тут же – словно бы из-под земли – возник второй безопасник, пониже ростом и с раскосыми глазами.

– Миша! – с чувством произнес главный, сгреб напарника за воротник и тяжело и страшно приложил его об дверь. Тот в последнюю секунду извернулся и ударился не лицом, а плечом. Ну и порядки у них!

Впрочем, меня все это совершенно не касалось. Если у них командир наказывает провинившихся подчиненных, скажем, ремнем или плеткой, или надушенными шнурками, это не мое дело, в чужой монастырь со своим уставом не ходят… Поэтому я выскользнула в прихожую и остановилась, прислонившись к стене. Спустя минуту ко мне присоединился синеглазый. Он протянул мне узкую ладонь, жесткую, словно деревяшка:

– Саша.

Похоже, он был готов признать мое реальное существование на белом свете. Что ж, это уже прорыв…

– Евгения.

Я пожала руку и тут поняла, что чей-то взгляд буквально прожигает мне затылок. Я быстро обернулась. Галочка смотрела на меня так, словно я, Евгения Охотникова, была ее личным врагом.

Меня уже начинали утомлять корсиканские страсти приезжей команды, к тому же я не собиралась соперничать с Галочкой за ее место рядом с хозяйкой. Поэтому я дружелюбно кивнула телохранителю и отправилась посмотреть, чем там занята женщина, которую мы всей толпой должны были охранять.

Госпожа Качалина все так же стояла у окна, задумчиво созерцая городской пейзаж. А вот Толмачева рядом с ней уже не было. Смылся мэр, причем по-английски, не прощаясь!

Ольга Христофоровна обернулась ко мне:

– Вот что… как вас там…

Она пощелкала пальцами, якобы вспоминая забытое имя. На самом деле дама-политик обладала отличной памятью – например, она могла бы приехать в детский дом и вспомнить имя мальчика, которому два года тому назад лично подарила роликовые коньки. За этот трюк ее обожали журналисты. Качалина исполняла его нечасто, чтобы он не примелькался, но с неизменным успехом. Собственно, сейчас Качалина просто хотела продемонстрировать, как мало я значу в ее глазах. Ладно, поиграем…

– Меня зовут Евгения. Можно просто Женя. Для краткости…

Качалина бросила на меня подозрительный взгляд – не издеваюсь ли я над ней? Я потупила глаза и стояла со смиренным видом монастырской воспитанницы. Ольга Христофоровна слегка оттаяла. Она относилась к ярко выраженному типу «женщина-львица». А это значило, что Качалина не терпит прямого противостояния и готова броситься в бой, как бы ни был незначителен «предмет» атаки. То есть я.

Зато такие люди беззащитны перед косвенным воздействием, как-то: ложью, лестью, незаметным вкладыванием в голову начальства собственных идей с последующим восхищением тем, какая великолепная идея в эту самую голову пришла. Ну, и так далее, и тому подобное…

– Ну что же, Евгения, давайте сразу проясним ваше положение. Начнем с того, что вы мне абсолютно не нужны.

Качалина смерила меня оценивающим взглядом, словно прикидывая – к чему можно приспособить столь бесполезный предмет, как навязанный ей коварным мэром телохранитель номер два? Я молча ждала.

– Мне вполне достаточно Галочки и, конечно, моих ребят. Так что найдите себе какое-нибудь занятие на время моего пребывания в Тарасове и не путайтесь у меня под ногами – я этого не выношу!

Я послушно кивнула:

– Хорошо, Ольга Христофоровна. Я постараюсь вам не мешать. Но поймите и вы меня – ведь я всего лишь выполняю просьбу Виталия Михайловича.

– Понимаю, – Качалина усмехнулась уголками губ. – Вы работаете в городе, где хозяин – Толмачев. Прекрасно вижу ваше непростое положение, и тем не менее. Вы слышали, что я сказала. Дважды я повторять не стану.

Вообще-то, когда речь идет о спасении чьей-то жизни, приходится повторять и дважды, и трижды, и вообще, столько раз, сколько понадобится. Я давно заметила, что люди моей профессии частенько относятся к клиенту, как к ребенку. Да, ты молча переждешь его истерику. Ты выслушаешь все его пожелания по поводу того, как тебе нужно его охранять – порою дельные, большей частью – смешные и нелепые, с точки зрения профессионала… И сделаешь все по-своему. И тогда все сложится просто отлично.

– Я не буду вам мешать, Ольга Христофоровна, обещаю, – честно сказала я.

Мешать не буду, но твою охрану я построю так, как считаю нужным. Иначе – грош мне цена. Трудновато будет справиться с таким сопротивлением…

К капризам клиентов я давно привыкла и спокойно пережидаю их, как дождь, или град, или эпидемию гриппа. Неизбежно, скучно, но скоро пройдет. А вот противодействие охраны – это уже хуже. Особенно будет свирепствовать эта Галочка, ясное дело. Конечно, мне приходилось несколько раз работать в тандеме. Принципы – это хорошо, но жизнь так устроена, что порою приходится их нарушать. И никогда я не встречала такой открытой вражды, причем с первых же секунд. Мы ведь даже еще не сцепились ни разу… Что-то странное есть в отношении Галочки к ее работе – что-то чересчур уж личное. Нужно будет это выяснить.

– Хорошо, Женя, я рада, что вы все поняли. Сейчас мне нужно привести себя в порядок, а через полчаса я хотела бы пройтись.

И Ольга Христофоровна удалилась в свои люксовые покои. А мы с Галочкой остались в гостиной – огромной, старомодной и по-своему уютной. Мне всегда нравилось, что владельцы «Евразии» и не пытаются гнаться за столичным шиком. Все равно не догонят, лишь получится смешно. Зато у гостиницы есть свой неповторимый стиль – провинциальный, чуть ироничный. Вот – вполне современный удобный диван, но обит он тканью в кремовых розах. На камине – часы: античная дева склонилась на циферблат. Парные статуэтки – пастушок и пастушка улыбаются друг другу. Под сплит-системой на стене портреты – кавалер в мундире и дама с

высокой прической, генерал с усами. Такая смесь – века двадцать первого и восемнадцатого. Забавно и небанально.

Пока Качалина занималась своим туалетом, мы с Галочкой остались наедине. Пожалуй, уже стоило расставить точки над нужными буквами.

– Ну, что же, Галина, – начала я, но маленькая сердитая женщина прервала меня на полуслове:

– Я не Галина!

– Но вас Ольга Христофоровна называет Галочкой! – удивилась я.

– Вот Ольга Христофоровна пусть так меня и называет.

Телохранитель уселась на стул с изогнутой спинкой, причем уселась верхом – как Клинт Иствуд в вестерне. Вдобавок спиной ко мне. Вся ее маленькая фигура демонстрировала: «Отстань от меня!»

– Так как же вас зовут? – настойчиво, но вполне доброжелательно поинтересовалась я.

– Светлана.

– А почему же тогда – Галочка?

Маленькая женщина резко обернулась и уставилась мне в лицо с откровенной ненавистью:

– Слушай, отвяжись, а?! Ну чего тебе от меня надо?

Я улыбнулась и отрицательно покачала головой. Я ждала ответа. Галочка – она же Светлана – обнаруживала все признаки социопата. Мне приходилось иметь дело с проблемными подростками и бывшими наркоманами. Обычно они вели себя именно так. Странно, что Качалина держит такого человека в качестве личного телохранителя…

Женщина с минуту смотрела на меня, потом поняла, что не отстану, и сдалась.

Плечи ее поникли, она тяжело вздохнула и ответила:

– Это прозвище. Позывной у меня был такой: Галка. Теперь понятно?

Да, теперь понятно. В нашей стране достаточно людей, прошедших через войну, а то и не через одну. Эти люди молоды, но то, что они видели, то, что пережили, накладывает на их душу отпечаток – навсегда. На всех война сказалась по-разному. Я знаю людей, на которых, на первый взгляд, не осталось никакого следа. Они вполне социализированы, некоторые – на редкость успешны… Но в кризисных ситуациях они реагируют не так, как обычные люди. В прошлом году у одного из моих знакомых – вполне удачливого представителя немецкого банка – украли десятилетнего сына. Те гопники, что, насмотревшись американского кино, решили заработать на киднэппинге, «заплатили» за это так, как им и не снилось. Меня эта история задела только краем, но и я не скоро ее забуду. Хотя и постараюсь…

– Все поняла, – мягко проговорила я. – Давай так – ты работай, как привыкла, а я буду подстраховывать. Мешать не стану, обещаю.

То же самое я десять минут назад пообещала Качалиной. Но то была ложь, а здесь…

Я и правда не собиралась вмешиваться в работу Галки. Пусть она будет «личкой», то есть личным охранником, а я возьму на себя внешний круг… Так будет даже лучше – меньше придется сталкиваться с Ольгой Христофоровной.

Галка ничего не ответила, только дернула уголком рта. Ладно, будем считать, что это согласие.

Но я ошибалась. Когда четверть часа спустя Качалина появилась в гостиной, одетая для прогулки, Галка подошла к ней и, мотнув головой в мою сторону, отрывисто произнесла:

– Оль, короче, так – или она, или я. Вместе мы никак. Все!

Ничего себе! Так разговаривали индейцы в фильмах моего детства. Чингачгук Большой Змей, насколько я помню, выражался подобным образом. «Хау. Я сказал!» И почему это телохранитель называет свою хозяйку просто Оля?!

Качалина удивленно приподняла брови, переводя взгляд с Галки на меня.

Да, даме-политику можно только посочувствовать! У нее и своих проблем предостаточно, а тут собственный телохранитель начинает откалывать такие номера.

Кстати, вопреки стереотипам американского кинематографа, политические деятели и вообще большие люди вовсе не торопятся нанимать в свою личную охрану людей, прошедших «горячие точки». Насколько я знаю, ни один американский президент не держал в качестве телохранителей ветеранов Вьетнама, да и у нас работодатели с недоверием относятся к ветеранам войн. Ну, кроме Великой Отечественной, быть может… Считается, что у тех, кто реально воевал, расшатаны нервы и, как бы это помягче выразиться, слегка смещены границы дозволенного. Не знаю. У меня не так уж много знакомых среди ветеранов войн последних десятилетий. У тех, кого я знаю, с психикой все в порядке, и некоторые действительно работают в охране… но брать их телохранителями я, честно говоря, никому бы не посоветовала. Для хорошего бодигарда гораздо важнее крепкие нервы, профильное образование и умение психологически подстроиться к клиенту, чем специфические навыки бойца спецназа или снайпера.

Качалина задумалась всего лишь на мгновение:

– Вот что, Галочка. Сейчас мы выйдем и немного подышим свежим воздухом. А потом вернемся и еще раз поговорим.

– Без нее! – попыталась поспорить с ней Галка, но Ольга Христофоровна ее не слушала. Она запахнула длинную серебристо-серую шубу из меха неизвестного мне животного и широким размашистым шагом покинула номер. Нам ничего не оставалось, как идти за ней, причем в дверях мы едва не столкнулись. Просто Чарли Чаплин какой-то… Галка злобно сверкнула на меня глазами. Я притормозила, пропуская телохранителя вперед.

Служба безопасности в полном составе ждала внизу, в холле. Вообще-то, неплохо бы кого-нибудь оставить в гостинице. Странно, что синеглазый Саша этого не сделал. Нам ведь возвращаться сюда придется, и неплохо бы обеспечить безопасность объекта. К тому же совсем не обязательно тащиться за охраняемым лицом такой «собачьей свадьбой». И это называется – тандем?! В толпе мы все заметны, как мухи в блюдце со сметаной! Да еще безопасники в своих одинаковых черных куртках похожи на криминальный балет из фильма «Бригада», только музыки не хватает. Движутся синхронно, но смысла в этом немного. На месте Саши я бы отправила пару мальчиков вперед, сканировать дорогу и толпу, а еще двоих рассредоточила бы по бокам. Это же азы работы телохранителя! А мы движемся по главной улице, пусть и без оркестра, но – точь-в-точь как строй солдат! Отойду-ка я в сторонку, пусть хотя бы правый сектор будет мною закрыт…

Все случилось так быстро, что я едва успела среагировать.

Звук, который издает падающий лед, немного напоминает свист входящего в пике самолета. А потом грохот горного обвала – и вот уже на месте, где только что стояла Ольга Христофоровна, возвышается гора синего льда. Я валяюсь на земле, сбитая с ног Галкой. Маленькая женщина успела не только вытолкнуть из опасной зоны свою хозяйку, но еще и в прыжке сбить с ног меня, собиравшуюся сделать то же самое. Тут, конечно, мой промах – не ожидала я ничего подобного от человека, с которым мы в одной команде. А кроме того – давно не работала в тандеме! Привыкла полагаться только на себя, работать в одиночку… Откуда мне было знать, насколько хороша реакция у этой Галки! Ну, теперь знаю – феноменальная… А мальчики из СБ в своих черных одеждах замерли, как на моментальном фотоснимке. Немая сцена!

Лежа на земле, неудобно осматривать окрестности, но я все-таки быстро перекатилась на спину и бросила взгляд наверх. Там мелькнула темная фигура – мелькнула и пропала в частоколе труб и паутине проводов.

– Вверх! – крикнула я Саше, указывая направление, и он бросился бежать к подъезду, а еще трое безопасников скрылись в проходных дворах.

Я не побежала за ними. Все равно никого они не поймают. Я неплохо знала крыши исторической части города. Там в любом доме – по четыре чердака, каждый выходит в свой подъ-

езд, а из подъезда по два выхода – на центральную улицу и в проходные дворы. Все, злоумышленник уже далеко. Но пусть Саша побегает – ему полезно. В следующий раз построит охрану объекта из нескольких уровней, как и положено…

Я подошла к Ольге Христофоровне. Та сидела на тротуаре и изумленно спрашивала:

– Что это было?! Что это такое было?..

Вокруг нас уже начала собираться компания заинтересованных прохожих. Так, еще пара минут – и их станет в десяток раз больше, причем к очевидцам присоединятся те, кто вообще не в курсе, что здесь случилось. Таких видно сразу – они подпрыгивают на месте, вытягивают шеи и пытаются поднести камеру мобильного телефона к самому лицу жертвы несчастного случая. Кстати, в моей практике был случай, когда в такой вот толпе затаился киллер, не успевший довести дело до конца. Он попытался предпринять вторую попытку, в результате чего мне пришлось его застрелить. До сих пор помню аккуратную дырочку в центре его лба. Нет, дважды я своих ошибок не повторяю!

– Так, всем приготовить документы для проверки! Начинаем составлять список свидетелей несчастного случая! – «милицейским» голосом произнесла я. Толпа тут же начала рассасываться, подобно тому, как тает в горячем чае кусочек рафинада. Сначала те мои соотечественники, что стояли сзади, внезапно вспомнили о срочных делах, а вскоре исчезли и очевидцы. Никому ведь не хочется провести долгие часы в отделении, а потом таскаться по судам, пусть даже и в качестве свидетеля. Нет, если бы эти люди и правда что-то видели, я ни за что не отпустила бы их. Но видели они только внезапно упавшую даму в роскошной серой шубе, а это – для меня лично – новостью не было.

Галка сидела рядом, зажимая рукой глубокую рану – в плече у маленькой женщины торчала здоровенная сосулька. Да, острый край, да еще с такой высоты… Комбинезон телохранительницы в месте разреза темнел прямо на глазах.

Первым делом я вызвала «Скорую». Один из безопасников – Леша, кажется, – попытался увести в безопасное место Ольгу Христофоровну. Я популярно объяснила ему, что самое безопасное для объекта место – это здесь, с нами. И что бывали случаи, когда киллер делает покушение-обманку, и, пока охрана всем этим занята, он спокойненько убирает клиента, перенесенного в «безопасное место». Леша дико на меня покосился, но спорить не стал. Похоже, о подобном коварстве он услышал впервые. Да, будем надеяться, что его начальник больше понимает в охранном деле…

Безопасники подняли Качалину с земли и окружили, прикрывая ее своими телами. Как генерала под обстрелом, честное слово! Но сейчас это было неплохо – своей заботой они хоть немного отвлекали Ольгу Христофоровну от случившегося.

Вскоре вернулся Саша со своими ребятами. На его костюм клочьями налипла паутина, щека была в пыли – похоже, он близко познакомился со знаменитыми тарасовскими чердаками. Я вопросительно посмотрела на него, но Саша только отрицательно мотнул головой. Ну, я и не надеялась на успех, но попробовать стоило.

Меня удивила их реакция на то, что Галка ранена. Саша бросился к ней, стал спрашивать, как она, заглядывал ей в глаза и вообще вел себя так, словно перед ним не телохранитель, а школьница, которую он повез покататься на мотоцикле и случайно опрокинул в кювет. Галка шипела сквозь зубы: «Отстань! Ольгу охраняй, не меня!» – и поглядывала на меня так, словно это я была виновата в случившемся.

«Скорая» приехала довольно быстро. Молодой врач заявил, что нужно немедленно ехать в больницу, да это и так было ясно. В машину погрузили Галку – кусок льда из ее раны на месте вынимать не рискнули, и он так и торчал из ее плеча. Один из безопасников, по-моему, это был Паша, отправился с ней сопровождающим. «Скорая» уехала, и мы наконец-то смогли вернуться в гостиницу. Пока Качалина в окружении охранников поднималась на тихоходном

лифте, я взяла ключи, взбежала по лестнице и быстро осмотрела оба «люкса». Все было в порядке. Слушая гул поднимавшегося лифта, я достала мобильный и позвонила мэру:

– Господин Толмачев, то, чего вы так опасались, уже началось. На вашу гостью совершено покушение, к счастью, неудачное. Успокойтесь, все под контролем.

Я не стала слушать взволнованное кваканье в трубке – все равно в такие моменты люди произносят множество незначащих и ненужных слов. Например: «Как это могло случиться?!», или: «Кто это сделал?!» Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо провести полноценное расследование, а ведь прошло всего полчаса с момента покушения на Качалину! И как, скажите на милость, я могла бы успеть вычислить убийцу?! Так что я нажала на красную кнопку, прервав этот бесполезный разговор, и направилась к двери, чтобы встретить Качалину. Безопасники окружили хозяйку плотным кольцом, Саша придерживал ее за плечи. Качалина удивленно осматривалась, словно не узнавая помещения, откуда всего полчаса назад она вышла «подышать свежим воздухом».

Я сразу поняла, что происходит – у Ольги Христофоровны был шок. Такое случается с неподготовленными людьми, когда смерть проходит совсем рядом с ними. В таком состоянии человек не вполне адекватен, он странно себя ведет и говорит такое, о чем потом будет жалеть. Вот и сейчас Качалина, стуча зубами, все повторяла:

– Они добрались до меня и здесь. Они все-таки достали меня! Если бы не Галочка, я была бы уже мертва. Она умерла, да? Галочка погибла?!

Саша выглядел обескураженным. Он явно не знал, что делать с хозяйкой.

– Коньяк принеси! – попросила я его, принимая из его рук работодательницу и мягко усаживая ее на диван.

Саша бросился к бару. Коньяк он налил в фужер для красного вина, причем сразу граммов сто пятьдесят. А, ладно! В таком состоянии Качалиной это все равно. Быстрее подействует.

– Все в порядке, Ольга Христофоровна! – сказала я громко. – Все просто замечательно. Галочка жива, ее немного поранило льдом, но ее повезли в самую лучшую в городе больницу.

На самом деле я понятия не имела, куда повезли Галку, да это было и неважно. Главное – вывести Качалину из ступора.

– Совсем скоро она поправится и снова будет вас охранять. А пока что вам нужно согреться, вы совсем замерзли. Вот, выпейте!

Я поднесла фужер к губам Качалиной и заставила ее выпить все до капли. Ольга пила большими глотками, точно воду или сок, совершенно не чувствуя вкуса, и зубы ее стучали о тонкое стекло. Потом Качалина откинулась на спинку дивана и крепко обхватила себя руками, словно и вправду замерзла.

Постепенно краска вернулась на ее бледные щеки, зубы перестали выбивать дробь, глаза приобрели осмысленное выражение.

– Кто из вас влил в меня этот отвратительный напиток?! Я никогда не пью коньяк, я его ненавижу! – с чувством произнесла Качалина, и я поняла, что шок уже позади. – А где Галочка?..

Качалина удивленно оглянулась.

Пришлось еще раз объяснить ей, что случилось час тому назад.

– Вот! – назидательно подняв палец, произнесла Ольга Христофоровна. – Вот единственный человек среди вас, кто действительно может меня защитить! Ну, от вас, Евгения, я и так многого не ожидала, но вы, Саша…

И она укоризненно покачала головой. Я посмотрела на Сашу. Лицо его потемнело, он кусал губы и готов был сквозь землю провалиться. Его ребята выглядели не лучше.

– Простите, Ольга Христофоровна, но вы ошибаетесь. Вероятно, это был просто несчастный случай. Неудачное стечение обстоятельств, а вовсе не покушение. Никто не мог знать заранее, что с крыши упадет глыба льда.

На самом деле я так не думала – ведь мелькнула же на крыше темная загадочная фигура, но Качалина, похоже, везде была готова видеть происки врагов.

– Как вы смеете меня перебивать и вообще вступать в разговор? Что вы можете об этом знать? Кто вы вообще такая?!

И – понеслось! Я поймала благодарный взгляд Саши.

Качалина еще долго распиналась на тему «непрофессионализма подчиненных», а мы молча слушали. Конечно, процентов на семьдесят Качалина была права. Но в нашей работе всегда присутствует фактор случайности. Все на свете предусмотреть невозможно.

Наши клиенты чаще всего имеют кучу проблем – иначе им были бы ни к чему услуги телохранителя. Заплатив охране, они почему-то начинают считать, что заключили с самой Судьбой магический контракт и теперь им ничто больше не грозит. Некоторые начинают вести себя вызывающе с теми, кого еще недавно боялись, другие принимаются рисковать без нужды, словно искушая судьбу… Помню, как я охраняла одного грека. Он был гей и нанял женщину-охранника специально, чтобы не провоцировать своего ревнивого друга. Они с партнером почему-то решили, что Тарасов – отличное место для обустройства ресторана. Греческая кухня, молодое вино… Дело было в середине девяностых, и очень скоро один из греков плюнул на все и уехал домой, а второй остался улаживать дела, с тем чтобы через неделю присоединиться к партнеру. Вот на этой стадии и наняли меня. Эту неделю я забуду не скоро. Бедняга-грек умудрился наступить на все «грабли» девяностых годов. К концу недели за ним бегала такая толпа жаждавших его крови и денег людей, что я попросту взяла и вывезла неудачливого ресторатора на турбазу в глухом уголке области. Самым трудным было – удержать его от поисков приключений: местные парни показались ему очень симпатичными, и с турбазы мы удирали ночью на старой лодке-«гулянке»… Я благополучно доставила любвеобильного грека в столицу (международный аэропорт в Тарасове пока еще был в проекте), посадила его в «Боинг» и, помахав на прощание ручкой, вздохнула с облегчением. Звонок его неутешного партнера настиг меня в спа-салоне, где я расслаблялась после всего пережитого. Оказывается, по пути домой из аэропорта мой подопечный сел в такси – и погиб. Таксист – эмигрант, кстати, из бывшего СССР, пожилой дядечка, – помер от инфаркта прямо за рулем. И это – после всех опасностей, от которых я спасла своего клиента! Так что к фактору случайности я отношусь с уважением.

Я незаметно сделала знак Саше, чтобы он не вздумал оправдываться и возражать. Качалиной просто нужно было выговориться, выпустить пар – это тоже вполне привычная реакция на стрессовую ситуацию. Одни люди начинают во всем винить себя, а другие – окружающих. Ничего, как гласит народная мудрость, брань на вороту не виснет.

И действительно, вскоре Качалина начала выдыхаться, повторяться, а потом и замолчала совсем. Вдруг дама-политик широко зевнула, свернулась на диване клубочком и тихонько захрапела. Все! Пережитый ею шок и коньяк сделали свое дело.

– Все, ребята, отбой, – произнесла я. – Теперь Ольга Христофоровна проспит до утра, как младенец. Нам стоит произвести разбор полетов…

Саша согласно кивнул, но устроить разбор полетов нам не позволили. Дверь номера резко распахнулась, и господин Толмачев устремился к уснувшей гостье:

– Голубушка, Ольга Христофоровна! Что с вами сделали?!

Но Качалина сладко похрапывала и не реагировала. Вдруг она приоткрыла один глаз и явственно произнесла: «Пшел вон!» После чего перевернулась на другой бок и тихонько засопела носом.

– Что это с ней?! – с опаской спросил мэр.

За его спиной маячил Сан Саныч. От любопытства его шея сделалась еще длиннее, хрящеватые уши торчали, как локаторы.

– Как вы могли допустить такое, госпожа Охотникова?! – возмущенно продолжал мэр. – Я же поручил гостью вам, вы полностью отвечали за ее безопасность на территории Тарасова! Я всегда считал вас человеком с отличной репутацией, а вы…

Я почувствовал, что начинаю злиться. Тем более что Толмачев был прав – я позволила клиенту выйти из безопасного номера гостиницы в сопровождении опереточных фэбээровцев…

– Послушайте, Виталий Михайлович: с моей клиенткой все в порядке. Она просто спит. На нее просто упала сосулька с крыши. Точнее, целая глыба льда! Но все обошлось. Пострадала телохранитель, она в больнице. А с госпожой Качалиной все в полном порядке. Завтра утром она проснется и будет очень недовольна состоянием крыш в родном городе, вот и все!

Мэр на мгновение задумался. Потом вынул сотовый телефон, нажал на кнопочку быстрого набора и ласково произнес в трубку:

– Гриша? Гриша, послушай меня внимательно!..

Продолжая разговаривать, мэр покинул номер. Ну, сейчас этот Гриша – очевидно, главный коммунальщик Тарасова – получит по полной программе. Правильно, так ему и надо! Среди бела дня сосульки падают… Но все-таки был кто-то на крыше. Все-таки был!

Глава 3

– Ну что, поговорим, наконец? – спросила я, когда дверь за мэром захлопнулась.

– Поговорим. А как же?… – Саша показал глазами на Ольгу Христофоровну.

– Ну, если вы перенесете ее в спальню, я уложу госпожу Качалину в постель. Она довольно долго проспит, и мы сможем наконец побеседовать.

Ольга Христофоровна была уложена в удобную кровать. Я сумела снять с Качалиной шубу, сапоги и пиджак, но переодевать ее в пижаму, лежавшую на подушке, не стала. Конечно, я могу и это сделать, но тогда утром Ольга Христофоровна почувствует себя исключительно неловко, что серьезно осложнит нашу дальнейшую совместную работу. Я погасила свет, вышла из спальни и осторожно прикрыла за собой дверь.

Безопасники ждали меня в гостиной. Они расселись в креслах, придвинув их к журнальному столику. На столе не было никакого спиртного – только сок и минеральная вода.

– То, что случилось сегодня, – непростительно! – резко сказала я, сразу же настраивая парней на серьезный разговор. – Госпожа Качалина наорала на меня совершенно справедливо. У нас три проблемы. Первая: я понятия не имею – что происходит?!

Я вопросительно взглянула на Сашу, но тот молчал, синие глаза были непроницаемы. Я пожала плечами и продолжила:

– Вторая проблема в том, что нас слишком много. Такой толпой охраняют звезду на рок-концерте, это годится, чтобы восторженных фанатов отгонять. Во всех остальных случаях такое количество охранников неэффективно и просто не нужно.

Я вновь сделала паузу. Если этот парень – тот, кто я думаю, он сейчас задаст вопрос…

– А третья? – спросил Саша. Остальные с интересом ждали, что я отвечу.

– А третья проблема, и самая главная, состоит в том, что вы, ребята, – непрофессионалы! Я думаю, что вы – военные. Десант. Или спецназ. Это так?

Саша молча кивнул.

– И охранной деятельностью вы занимаетесь… примерно с месяц. Верно?

Безопасники переглянулись.

– На гражданке вы давно, года четыре. С тех самых пор и служите в СБ. Прослушали курс лекций какого-нибудь отставного майора ФСБ. И прошли… скажем, двухнедельные курсы бодигардов.

– Откуда она знает?! – привстал с кресла Леша. Саша сквозь зубы бросил: «Спокойно», и тот медленно опустился в кресло, продолжая сверлить меня подозрительным взглядом.

А я безжалостно продолжала:

– Но охраной как таковой вам заниматься не приходилось. Ваша работа заключалась в наружном наблюдении, сборе информации и демонстрации физической силы на переговорах. Именно в этом качестве вы приезжали в Тарасов два года тому назад. Предлагаю забыть об этом как можно скорее.

Я опять вопросительно взглянула на Сашу. Если между нами встанут какие-то старые обиды, работать вместе не получится. Ума не приложу, что тогда делать… Но Саша молчал, глядя на меня с явной неприязнью. Хорошо, просто отлично! Это значит, что и для него работа важнее, чем какие-то личные претензии. Я сказала:

– Госпожа Качалина – ваш первый охраняемый объект. Работа охранников вам не нравится, вы не имеете необходимого опыта и чувствуете себя неуверенно. Скажем, образно говоря, чувствуете вы себя голопопыми щенками, а этого никто не любит, особенно – такие серьезные парни, как вы. Кроме того, ваша хозяйка склонна высказывать вам претензии по поводу и без, что не прибавляет вам уверенности в себе. После сегодняшнего инцидента – особенно!

– Ну, что дальше? – сквозь зубы процедил Саша.

Я улыбнулась:

– Дальше? Дальше я познакомлю вас с основами профессии бодигарда, и мы будем работать вместе, как одна команда. Дружно и счастливо проведем эте две недели, которые госпожа Качалина проведет в Тарасове, а потом она отправится домой, в Москву, и вы вместе с ней. И мы с вами больше никогда не увидимся. Идет?

И я улыбнулась еще шире. Так: как скоро этим парням надоест выпендриваться? Если мне придется улыбнуться еще разок, верхняя часть моей головы просто отвалится.

– Идет, – медленно выговорил Саша. Леша дернулся было в кресле, но Саша только глянул на него – и тот замер. Все правильно: главный принял решение, принял за всех. Они привыкли слушаться, подчиняться приказам, не раздумывая. И привыкли полагаться на Сашу: да, он – мозг этой группы.

Так, закрепим достигнутый успех! Мне не нужно, чтобы они слушались меня из-под палки и потому что старший так приказал, и, затаив дыхание, ждали момента, когда я наконец облажаюсь. Мне нужно, чтобы все они стали моими союзниками.

– Слушайте, парни, я вас очень уважаю! В своей области вы, само собой, – профессионалы. Вы отличные ребята, тренированные бойцы, но несмотря на то что выглядите вы как агенты ФБР, вы – не телохранители. Не надо думать, что вот сидит перед вами какая-то баба и учит вас жизни! Я всего лишь хочу, чтобы Ольга Христофоровна покинула Тарасов живой и здоровой. Думаю, и вы хотите того же. Ну? Работаем или продолжаем мериться крутизной?

Ответ был очевиден.

…Вернулся Паша, сопровождавший в больницу Галку. Он сообщил, что с телохранителем Качалиной все будет в порядке. Но женщина потеряла довольно много крови, и несколько дней ее подержат в больнице.

Остаток вечера прошел крайне продуктивно. Достав ноутбук, я познакомила парней с особенностями города. Пока нас интересовал только центр, но кто знает, что придет в голову госпоже Качалиной! Ведь она приехала в Тарасов с какой-то своей целью, о которой никто из нас не имел ни малейшего представления.

Саша разбил свою команду на группы, по два человека в каждой. В личной охране решено было оставить двоих – Мишу и парнишку с нерифмующимся, в отличие от остальных, именем Сережа. Он приглянулся мне тем, что был моложе остальных, следовательно, усвоил меньше стереотипов своей профессии. Глаза у него были смышленые, и он довольно быстро обучался. Миша был медлительнее, зато владел восточными единоборствами. С этой парой я собиралась поработать отдельно. Поскольку парни были хорошо подготовлены, проблемы вряд ли возникнут.

Леша и Паша должны были вести наружное наблюдение, не приближаясь к объекту. Кроме того, на них лежала обязанность проверять все места, где должна была появиться Качалина – будь то кладбище или мэрия, неважно.

Саша и Гоша отвечали за стратегию. Саша как старший группы должен был узнавать о планах Качалиной и в зависимости от этого давать распоряжения остальным. Вообще, деятельность группы нужно было тщательно планировать, а не полагаться на русский авось, как сегодня. Это значило, что следовало привлечь на свою сторону саму госпожу Качалину. В моей работе часто бывает так, что главный враг клиента – это, как ни смешно, он сам – точнее, его самонадеянность, бравада, неумение просчитывать ситуацию и тому подобные «милые» вещи, которые порою, несмотря на все усилия телохранителя, приводят к печальным последствиям.

Я надеялась, что после сегодняшнего случая госпожа Качалина осознала всю серьезность происходящего. Вместе с Сашей я составила примерный план по охранным мероприятиям на весь период пребывания столичной гостьи на ее исторической родине. План обладал добрым

десятком достоинств и всего лишь одним недостатком. Недостаток был такой: уже рано утром весь мой план полетел в тартарары.

На ночлег я устроилась в гостиной, отправив ребят в их номер. Двери в гостинице надежные, киллеры, влетающие в окно на «тарзанке», бывают только в голливудских боевиках, так что ночь вполне можно было использовать для отдыха.

Поэтому я оказалась первой, кто вызвал на себя гнев отлично выспавшейся госпожи политика. Хотя к тому времени я уже успела встать и умыться и находилась, так сказать, в полной боевой готовности. Правда, я не стояла по стойке «смирно», а сидела в кресле, но тем не менее обвинить меня вроде бы было не в чем. О, как я ошиблась!

С превосходно уложенными волосами, со свежим розовым лицом, в элегантном брючном костюме, стояла надо мною Ольга Христофоровна, брезгливо морщась и приговаривая:

– Что вы себе позволяете?! Номер для персонала находится напротив! Почему вы ночевали… здесь, в моем номере?!

По своим привычкам я – типичная «сова». Мое любимое времяпрепровождение – просмотр фильмов далеко за полночь, а потом здоровый сон примерно до полудня. Утро для меня – время испытаний. Но я вчера полночи распиналась на темы профессионализма и потому решила продемонстрировать его – свой профессионализм – прямо с утра.

– Доброе утро, Ольга Христофоровна! – бодро поприветствовала я свой охраняемый «объект». – Нахожусь в вашем номере, так как вчера произошел неприятный инцидент, и я не хотела, чтобы подобное повторилось.

Где же это было – в циркулярах эпохи Петра Первого, что ли? «Подчиненный должен вид иметь лихой и придурковатый, дабы излишним разумением не смущать начальство…» Надеюсь, мой вид соответствовал должным требованиям. Госпожа политик слегка поморщилась и заявила:

– Ну, приступайте к своим непосредственным обязанностям, раз так. Мы выезжаем через пятнадцать минут! Вам, наверное, нужно привести себя в порядок? – В голосе Качалиной присутствовала лишь капелька яда. – Вы же не поедете на важное мероприятие таким вот чучелом?

Чучелом? Почему это – чучелом?! Специально ради таких случаев я ношу короткую стильную стрижку. Пара взмахов расческой – и я готова к выходу в свет.

Мероприятие?!

Меня как ветром сдуло с кресла. Интересно, а Саша знает, что через пятнадцать минут мы уезжаем? Куда?! Зачем?! Нет, все-таки есть женщины в русских селеньях – другая бы после покушения лежала пластом и пила валокордин, а эта умылась, встряхнулась – и готова к новым приключениям! Вот только служба безопасности к ним пока что не готова…

Ольга Христофоровна не желала слушать никаких возражений. В ответ на вполне резонное предупреждение об опасности политик просто махнула рукой. Остановить и вразумить Качалину не удалось ни мне, ни тем более Саше.

– Какой же ты начальник службы безопасности, если она тебя совсем не слушает! – возмущалась я уже в лифте, прижатая к Саше.

– Так ведь и тебя она тоже не слушает! – усмехнулся он мне в самое ухо.

Уже в машине выяснилось, что мы едем на стадион. Ничего себе! Мероприятия на таких объектах, как стадионы и площади, требуют особой подготовки. Открытые площадки с большим скоплением людей – объекты повышенной опасности. Я бы ни за что не пустила на трибуну стадиона человека, на которого только вчера устроили покушение! Но меня никто не спросил. Сегодня я ехала в первой машине – вместе с Ольгой Христофоровной и Сашей. Остальные ребята поместились во второй.

«Мерседесы» для дорогой гостьи выделил Толмачев. Хотя машины явно были представительского класса, я не видела на стеклах характерного синеватого отблеска. Это значило, что

стекла – самые обычные. Оставалось надеяться, что никому не придет в голову на полном ходу начать стрелять в госпожу политика через стекло.

Доехали мы без приключений, но самое страшное ждало нас впереди.

– Во время моего выступления попрошу не маячить у меня за спиной и не дышать в затылок! – заявила госпожа Качалина. – Мне это действует на нервы, и я могу сбиться.

– Во время какого выступления? – онемевшими губами выговорила я.

Саша удивленно заморгал. Ресницы у него были как у девушки, что не сочеталось с его жестким умным лицом.

– Сегодняшнее открытие стадиона – очень кстати. Мне представляется удобный повод заявить о своих планах на будущее. Скоро я открываю в вашем городе фонд памяти моего мужа. Фонд для особо одаренных детей-спортсменов из Тарасова. Этому событию и посвящена моя сегодняшняя речь. Зачем, по-вашему, я сюда приехала? – надменно осведомилась Качалина.

Если бы меня спросили, я бы ответила, что – с вероятностью девяносто процентов – госпожа Качалина приехала в родной город для того, чтобы укрыться от назойливого внимания прессы, донимавшей ее вот уже три недели, со дня убийства генерала Качалина посреди торгового центра «Патриот-Плаза». Но я тактично промолчала.

Кстати, удивительно: ни один из местных журналистов даже не попытался подступиться к столичной гостье. За этим странным явлением явно видна твердая рука мэра – похоже, господин Толмачев весьма серьезно отнесся к своему обещанию – обеспечить нашей гостье полный покой. И пусть над киллерами мэр не властен, но прессу он вполне может контролировать…

Значит, Ольга Христофоровна собирается выступать. Вокруг – толпа, открытое пространство. Отлично, просто отлично! Как говорил Штирлиц, это провал. Как говорю я – еще посмотрим…

– Слушай, поставь ребят вокруг сцены, где она будет выступать! – быстро пробормотала я на ухо Саше. – Двоих перед трибуной – пусть сканируют толпу трудящихся. Двоих отправь на противоположную сторону – пусть смотрят издали и передают тебе по связи. Одного позади поставь. А нам с тобой остается ближнее пространство – ты встанешь справа, я слева.

Саша молча кивнул и принялся распоряжаться. Ничего, через пару недель ребята уедут из Тарасова уже вполне опытными телохранителями. Не боги горшки обжигают…

Помню одно из первых моих дел – я только-только поселилась в Тарасове, и меня попросили сопровождать ценный груз, причем обставлена вся операция была такими мерами предосторожности, что я вообразила, будто речь идет о сверхсекретных разработках. На самом деле грузом оказалась коробка из-под печенья. Из-за этой безобидной на вид вещи полегло столько народу – куда там какой-нибудь бомбе! Но я не о том. Коробка была похищена. Для того чтобы вернуть этот ценный предмет и восстановить свое доброе имя, мне пришлось – правда, всего на один день – устроиться на работу в бордель. И хотя до интима дело так и не дошло и мне просто нужно было стать «своей» в определенной среде, но я привела бы эту историю в качестве примера для начинающих телохранителей. Смотрите, ребята, вот на что способен истинный, не щадящий себя профессионал! Пожалуй, не стану я рассказывать эту историю мальчикам из СБ. Представляю, как они будут ржать…

Хватит предаваться воспоминаниям, как говорил мой полковник, прошлое тем и прекрасно, что оно уже прошло. От раздумий меня отвлек Паша – именно его отрядил главный, чтобы занять пост позади сцены.

Пока что все было спокойно. Высокие гости – мэр, председатель областной Думы, всяческое мелкое городское начальство и сама госпожа Качалина – заняли места на сцене, сразу сделавшись похожими на членов Политбюро эпохи застоя. К тому же все городское начальство было одето в черно-белое, как стадо пингвинов. Серебристо-серая шубка Качалиной заметно выделялась на их фоне. Порою выглядывало солнце, и Качалина надела темные очки. Она что-

то быстро говорила Толмачеву, а тот кивал, глядя себе под ноги. Неподалеку стайкой вились журналисты – многих я знала. Один подмигнул мне и, направив на меня объектив фотоаппарата с толстенным профессиональным объективом, ослепил неожиданной вспышкой. Я посоветовала ему больше так не делать. Постаралась, чтобы голос мой звучал спокойно и ровно, но, видимо, не очень-то хорошо постаралась. Фотограф втянул голову в плечи и затерялся среди своих. Да, сегодня Ольге Христофоровне никак не избежать внимания прессы. Не каждый день в нашем городе открывают стадионы! Интересно, как давно столичная гостья планировала свой визит? Наверняка еще до гибели генерала. А потом просто не захотела менять планы…

Так, ребята напротив уже заняли свои места. Молодец Саша, расставил их именно так, как надо. Разведчики они, что ли?

– Вы, случайно, не разведчики? – спросила я, не оборачиваясь.

Паша ответил мне потрясенным молчанием, потом хмыкнул:

– Точно, Сашок сначала в разведке служил, а потом уже его к нам перевели.

– И вы все вместе служили у генерала Качалина? Виктора… как его…

– Сергеевича, – мрачно подсказал Паша. – Да, он и к себе нас позвал. Он тогда бизнесом занимался. Как раз службу безопасности организовал и искал людей. Ну, а мы-то все давно сработались, нас и учить не надо было. Отовсюду нас собрал. Сашок в ночном клубе вышибалой был. Миша боями без правил подрабатывал. Меня генерал из психушки вытянул, я всем так честно и говорю. Я от пьянки лечился. Жена меня сдала…

Я обернулась и посмотрела на Пашу. Он невесело усмехнулся:

– Короче, все мы Виктор Сергеичу обязаны по гроб жизни. Четыре года мы на него работали. Ну, а когда его убили, мы супругу его охранять стали.

– Слушай, а когда его застрелили, вас там не было? – осторожно поинтересовалась я.

Как и следовало ожидать, Паша вскинулся, но быстро остыл.

– Нас там и за километр не было, в «Плазе»… Не знаю, зачем его туда понесло, Сергеича… Может, он на встречу с кем-то поехал? Мы только утром узнали, когда по телевизору передали…

Я встретила безмятежный Пашин взгляд и поспешно отвернулась. Странно как-то… у человека есть собственная СБ, а он в одиночку идет на опасную встречу, и ребята узнают о его гибели из новостей… Но дела давно минувшие меня сейчас не интересовали. Следовало сосредоточиться на госпоже Качалиной и ее проблемах.

Вообще-то, судя по вчерашнему покушению (если это было именно оно), непосредственная опасность Ольге Качалиной не грозила. Сосулька с крыши… детский сад какой-то! Очень ненадежно, непрофессионально, да попросту глупо. Конечно, лед убивает ничуть не хуже пули… но уронить его точно на клиента неспособен никакой киллер. То ли дело – старая добрая оптика… Оставалось надеяться, что оптики у этого киллера-верхолаза нет, иначе бы он воспользовался ею вчера, и госпожа Качалина не произносила бы речь на сегодняшнем мероприятии, а лежала бы в морге. Потому что оптика не подводит практически никогда.

Так, посмотрим, что за народ заполнил стадион…В основном это была безопасная публика – детишки и подростки, учащиеся спортивных школ города и области. Из взрослых просматривались родители, тренеры и тому подобный народ. На трибунах виднелось довольно много полицейских, да вдобавок стадион оцепили и снаружи. Надеюсь, все кончится благополучно, и через полтора часа мы все, усталые, но довольные, отправимся по домам… Но на будущее подобные мероприятия нужно тщательно планировать. Сегодняшняя импровизированная расстановка охраны никуда не годится.

Вот, например, Паша. Он должен обеспечивать безопасность объекта с тыла, а он что делает? Смотрит на экран телефона и глупо улыбается.

– Галка эсэмэску прислала! – Он повернул экранчик ко мне. – Пишет, что ее из больницы не отпускают, а она все равно сбежит. Она сбежит, Галка-то! Она такая!

И Паша заразительно рассмеялся. Надо же, какие дружеские отношения у них в команде!

– Слушай, а Галка тоже с вами… служила?

Улыбка исчезла с лица Паши, словно ее ластиком стерли.

– Не, – ответил он, – Галка была снайпером. Во вторую войну. За ее голову награду объявили. Но она все равно оставалась там до самого конца. А с нами ее муж служил, Толян. Погиб он, – неловко закончил Паша и замолчал.

Потом вдруг заговорил снова, хотя я ни о чем его не спрашивала:

– Качалин нас всех спас. Он тогда еще генералом не был, генерала ему потом уже дали, в Москве. А тогда он нас из окружения вывел. И Толяна тоже, только он потом в госпитале умер. И позже Сергеич нас не бросил. «Я, – говорил, – за вас отвечаю». Мировой был мужик! Если б попалась мне та тварь, что его убила…

Паша замолк и сжал кулаки – каждый размером с дыню.

– Ладно, Паша, не отвлекаемся. Они, похоже, начинают.

Паша скрылся из виду, а я сосредоточилась на объекте. Значит, Галка – снайпер, прошедший войну. Снайпер – это особый склад личности. Немного похож на математика. Эмоциям воли не дает, старается все держать под контролем. Работает в одиночку, привык никому не доверять, полагаться только на себя. Не удивительно, что Галка встретила меня в штыки. Вдобавок она лично предана вдове генерала, который вывел из окружения ее мужа и остальных. Служит не за страх, а за совесть. Если надо – жизнь за нее отдаст. Идеальный телохранитель! Как мне сегодня ее не хватает… Маловато нас…

Сегодня стадион был оцеплен как полагается. Еще бы, здесь же все городское начальство собралось! А еще – дети, ученики спортивных школ города и прочая публика. Так что, кроме стоявших в проходах и по периметру ребят в форме, стадион был буквально нашпигован людьми в штатском. Тут бы мне и расслабиться, ведь объект охраняют по высшему разряду… Но что-то мне мешало. Все эти супер-пупер профи охраняют не Ольгу Христофоровну лично. Их внимание распылено на весь стадион. И если кто-то поставил себе цель – убить именно Качалину, и этот кто-то – профессионал, такое количество охраны его не остановит. Помешает ему уйти – это да, да и то лишь в том случае, если у киллера нет спецподготовки. А если есть? Расслабляться рановато. Вот закончится мероприятие, тогда и отдохнем…

Мероприятие между тем шло как полагается. Сначала выступил председатель облдумы. Потом мэр. Потом начальство помельче. Детишки на трибунах заскучали и принялись драться свернутыми с трубочку плакатами, которые им раздали перед началом. Хорошо еще, что день был теплым и солнечным. Устраивать праздники на открытом стадионе в декабре – не самая лучшая идея, пусть даже трибуны с подогревом… И в завершение к микрофону вышла госпожа Качалина. Она начала говорить прямо в микрофон высоким звенящим голосом. Я слушала ее краем уха. Там было что-то о мальчике Вите, который жил в нашем городе и занимался спортом, а потом вырос и сделался героем…

Что поделывают безопасники? Что-то я их не наблюдаю… Я нашла взглядом Сашу. Он что-то говорил в телефон, поглядывая на Ольгу Христофоровну. Саша успокаивающе кивнул мне – мол, не трусь, подруга, все будет в порядке, – и отвернулся, даже не попытавшись выяснить, что я от него хочу. Эх, придется устроить им еще один инструктаж, прямо сегодня вечером…

Госпожа Качалина наконец-то закончила свое выступление. Должно быть, это была очень хорошая речь, но я не запомнила из нее ни единого слова. Так, где же безопасники? Что-то я ни одного не вижу…Теперь к микрофону вновь встал мэр – он говорил что-то ответно-благодарственное, и конца-краю всему этому не предвиделось. Когда же все закончится?!

Блеск оптики невозможно перепутать ни с чем. Ни со сверканием разбитой бутылки, ни с бликом от зеркальных очков. Поверьте мне на слово, просто невозможно, и все. И это

был именно он – далеко, на пределе видимости, на крыше обычной пятиэтажки за оградой стадиона. Хорошая оптика: до трибуны оттуда метров пятьсот, не меньше…

Я посмотрела на Сашу. Повернувшись ко мне спиной, он продолжал говорить по телефону. Оставалось надеяться, что он давал какие-то инструкции своим людям, а не рассказывал кому-то анекдоты. Но мне от этого было не легче. Паша был далеко, да и чем бы он мне помог? Остальных ребят я не видела в толпе. Чего и следовало ожидать…

Я смерила взглядом расстояние до госпожи Качалиной. Она стояла метрах в двадцати, слишком далеко и высоко – надо мной, на сцене, слева ее закрывал от меня мэр. Мне было плохо видно Ольгу Христофоровну. А тому типу с оптическим прицелом на крыше – просто отлично. На принятие решения у меня осталось не больше трех секунд.

Я вам не Кевин Костнер из фильма «Телохранитель», который с криком: «Не-е-ет!» прикрывает собою клиента. Да и прыгнуть так далеко смогла бы разве что кенгуру. Поэтому я наклонилась и изо всех сил дернула на себя красную ковровую дорожку, на которой стояли высокие гости. Я регулярно посещаю спортзал, поэтому рывок вышел качественным – высокие гости повалились друг на дружку, точно кегли.

Наградой мне было тихое «чпок-чпок-чпок» – звук пуль, входивших в деревянный барьер – в том месте, где только что маячили головы мэра и компании. Ну, и восторженный рев трибун, конечно. Трудно описать, в какой восторг пришли гадкие дети, когда взрослые важные дяди и одна тетя в шубе кучей попадали друг на дружку!

Глава 4

В гостиницу мы вернулись поздно вечером. Весь остаток дня был потрачен на «расследование», как называл это Толмачев. Которое, к сожалению, ничего не дало…

Сразу после покушения зрителей эвакуировали со стадиона – да, сегодняшнее мероприятие дети забудут не скоро! Я своими ушами слышала, как один юный спортсмен, захлебываясь от счастья, рассказывал маме о том, как «на стадион пробрался киллер, как в «Убить Билла», и положил тучу народу!» Бедная мама, кто же виноват, что у ее чада такая богатая фантазия и что оно, чадо, смотрит столько плохих голливудских кино!

Я была так рада, что все обошлось без жертв, что меня не вывели из равновесия ни гнев госпожи Качалиной, ни долгие допросы прибывших на место преступления полицейских и ФСБ. В разряде подозреваемых я пробыла недолго. За меня вступился мэр – Толмачеву пришлось признаться, что именно он рекомендовал меня в качестве телохранителя госпоже Качалиной на все время ее пребывания в нашем городе. После этого меня перестали подозревать в покушении на высоких гостей посредством выдергивания ковровой дорожки у них из-под ног и разговаривали – с того момента – со мной уже по-другому.

Мэр удержал при себе соображения, кто же был настоящей мишенью киллера. В конце концов, на трибуне стояла не одна госпожа Качалина – любой из присутствующих на празднике мог быть объектом. Так что и я не стала распространяться о вчерашнем инциденте. Не то чтобы я собиралась утаить от следствия важную информацию… Я ведь и сама не была уверена, связаны ли вчерашнее и сегодняшнее события. Если честно, я бы, скорее, ответила отрицательно. Сосулька с крыши – это одно дело, а оптика за полкилометра – совсем, уверяю вас, другое. Кстати, киллер не бросил винтовку на месте преступления, вопреки обычаю профессионалов, а унес с собой. Хоть какой-то, но след. Только не для меня. Пусть расследованием занимается ФСБ, а я буду скромно выполнять свою непростую работу.

Разумеется, благодарности от госпожи политика я не дождалась. Да я и не мечтала… Саша повел себя странно – после допроса он подошел ко мне и тихо сказал, что по приезде в Москву сменит сферу деятельности. Я едва не спросила ехидно: «Что, продолжишь карьеру вышибалы?» Но смолчала. Во-первых, Саша этого не заслужил. А во-вторых, не стоит лишний раз показывать свою осведомленность. Как говорят на коварном Востоке: «Пока слово не сказано, ты его хозяин. Будучи произнесенным вслух, оно владеет тобой». Вот так!

Госпожа Качалина высказала все, что думает обо мне, еще в машине. Поэтому по прибытии в гостиницу она прошествовала в свои покои и с грохотом захлопнула дверь. А мы с ребятами расположились в креслах, потягивая минералку и лениво переговариваясь. Хотелось есть, но не было сил подняться. Утром мы не успели позавтракать, потом о еде вообще пришлось забыть. Если бы не мэр, распорядившийся выдать нам по чашке кофе со знаменитыми тарасовскими бубликами, не знаю, как бы мы протянули до вечера.

– Имейте в виду, завтра прямо с утра – инструктаж, – пригрозила я.

– И лучше часов в шесть утра, пока еще что-нибудь не случилось! – мрачно пошутил Саша, и все засмеялись. Сегодняшний день сблизил нас. Мы вместе мерзли, вместе ждали допроса, пили кофе. Я уже не была для этих парней провинциальной занозой, которая учит их делать свою работу. Я стала почти своей.

И тут распахнулась дверь. Меня буквально вынесло из кресла. Я успела перекатиться к стулу, на котором висела моя куртка, выдернуть пистолет из кармана и занять удобную для стрельбы позицию за массивным антикварным столиком. И только тогда поняла, что фигура в камуфляже на пороге – это Галка, неожиданно вернувшаяся из больницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.